

Мио Гранд

Кона, или

«Куда летят велосипеды?»

Маленькая повесть для всех

Как она была красива! Точеная шея, правильный изгиб спины! Идеально соразмеренные формы. Тень прозрачна и слегка велика ей.

Ветер ее не касался. Ветер боялся даже дунуть. Она была главной в тот час, во весь летний день. Она сияла в моих ночных мечтаниях... Уносила за туманные молочные горизонты. Стала хозяйкой моих мыслей. Черные крылья, черный бок, вся она — застывшее движение... Если бы я дотронулся до нее, я стал бы старше.

Чтобы она оказалась в моих руках, нужно выложить одиннадцать тысяч рублей, и тогда: о, соль-ля-мио! Я улечу, так и знайте. Она моложе меня, но, кажется, ее знания и возможности безграничны.

Ее звали Кона, и она была велосипедом. Лаковая. Литая. Серебряные буквы струились по раме: «KONA». Томилась за витриной — хрупкой, но непреодолимой преградой. Я не мог почувствовать, но я знал: она горячая от наглого солнца. Холодная в ночном одичании.

Если велосипед не приручить — он одичает. А Кона не простой велосипед — она внедорожник. Переключатель скоростного режима, похожий на жука с блестящим плоским брюшком, явно указывал на то, что молодой июнь скоро стряхнет с себя «н», примерит «л», повзрослеет и превратится в июль. Это значило лишь одно: лето летело мимо, жизнь проходила зря.

На лето я остался в городе. Все друзья раскатились кто куда. С морей, дач, из деревень и летних лагерей ко мне летели мобильные сообщения и фотографии. Друзья наперебой хвастались своими подвигами и загаром. Толстопуз Димон научился погружаться на глубину с настоящим аквалангом. Серого дед взял с собой на охоту и разрешил стрелять из ружья по уткам. Правда, Серый честно признался, что промазал и был искренне этому рад. Ленка (подумать только!) стала капитаном девчоночьей футбольной команды в своем «Орлёнке», а Витька-Сурук и вовсе прислал фотографию на фоне египетских пирамид.

Мио Гранд (Мила Ильина), москвичка, родилась в 1975 году. Прозаик, поэт, окончила Литературный институт им. А.М.Горького, работала на ТВ, печаталась в журналах «Наш современник», «Фома» и др. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

А у меня был только пыльный город. И мечта. Вернее — план. Я должен был обрести Кону. Спортивный магазин, в котором томился велосипед, носил гордое название «Метеор». И продавец этого магазина со скоростью метеора обменял бы прекрасную вороную Кону на одиннадцать голубых бумажек... или двадцать две бордовых... или... Но как честно заработать такие колоссальные деньги в неполные тринадцать лет, когда росту в тебе метр сорок три, а руки с заусеницами и вечный аллергический насморк — твои спутники?.. В другой семье, наверное, можно было бы выпросить Кону на день рождения — мой приходился на двадцать восьмое августа, конец лета и свободной жизни... Но мне и это не светило: наша семья по макушки сидела в кредитах, и я должен был получить что-нибудь вроде пластиковых роликовых коньков с распродажи. Я не расстраивался: ведь *яс детства* проявлял самостоятельность и умел находить выход из тяжких жизненных испытаний (а остаться летом в городе в одиночестве и без велосипеда — это испытание). Зато я был везунчиком. Например, мне повезло вот в чем: мои уши росли быстрее меня, находились в оттопыренном состоянии и за это меня всегда любили дети. Они просили, чтобы я пошевелил ушами, и заливались надо мной веселым смехом, как маленькие велосипедные звонки. Я наделен особым талантом: одним взглядом, одним уголком рта, одним шевелением ушей успокаивать плачущих детей.

И я решил стать няней. Высморкался, как следует, умыл лицо и стал ходить по соседним подъездам: спрашивал, кому из детей нужен я. Два дня околачивался по соседним дворам, ошивался возле детских садов и даже, делая низкий голос, спрашивал у домофонов, а не хотят ли они «нанять в няни молодого бойца?» (мне очень понравилось это придуманное мной выражение). Но «молодого бойца» никто не нанял. Наверное потому, что дети не плакали в том момент, а то бы я им показал свое мастерство!

Выйдя из последнего дома, я вляпался в собачью кучку. Тогда меня и осенило: буду выгуливать собак! Хозяйева пусть отсыплются или спокойно смотрят программу «Время», а я заработаю свои денежки! И получу Кону. Пусть в сентябре. Она дождется меня, я был в этом твердо уверен.

Я никогда не мечтал о собаке, не грезил о лошадях или аквариумных рыбках, хотя животных люблю. Я не выпрашивал у родителей брата или сестренку, хотя маленьких детей я *тоже* выношу без истерик. Я просто хотел делать то, что наверняка могу делать хорошо.

Пока я безрезультатно уговаривал взрослых доверить мне своих чад, а затем знакомился с хозяевами собак, пролетало драгоценное время.

На всякий случай, иногда — раза два в день — я бегал к «Метеору», проверял, стоит ли Кона за глянцевою витриной. Прижимался лбом к стеклу и потел. На лаковой черной раме плыли серебряные буквы. Спицы в колесах начинали танцевать передо мной, а руль качал своими рожками. Я так волновался и так шумно дышал, что хозяин магазина, любивший вздремнуть на солнечном припеке на табуретке у входа, утром третьего дня моего бдения разомкнул веки и процедил: «Швабра и тряпки — в подсобке слева. Стеклоочиститель возьми у кассира»...

— Ва-а-ань! — зычно заорал хозяин в прохладные недра торгового зала. — Выдай пацану полсотни после того, как он закончит драить витрину.

Вечером карман горел от первой заработанной купюры. Ночью я положил ее под подушку и, рискуя спалить квартиру, беспрестанно щелкал зажигалкой, уведенной с кухни, желая убедиться, что бледно-бирюзовая биржевая колонна на месте.

— Красивая... красивая... — повторял я, проваливаясь в голубую дымку сна.

Через неделю мне доверили выгуливать бобтейла Тима. К этому времени в моей копилке (жестяной ретро-коробке из-под конфет, на крышке которой изображались счастливые ретро-дети, снующие на катке с ретро-иллюминацией) лежали перехваченные синей резинкой девятьсот рублей. Я работал без выходных, как

одержимый. Мама ругала меня за то, что я пропускал обеды. Но ведь надо было успевать мыть пол в «Метеоре» до и после рабочего дня, протирать столики в соседней со спортивным магазином закуской «Чесночок», выносить мусор, рвать туго идущие на уничтожение картонные коробки, складывать и грузить в контейнеры ящики, помогать укладывать покупки, а кому-то — и доносить их до машины или дома. Особое, неиспытанное раннее чувство гордости переполняло и меня, и шкатулку с деньгами...

Родителям я честно рассказал, что хочу заработать на велосипед. Мама внимательно смотрела на меня и говорила что-то про осунувшуюся физиономию... Потом вспомнила про старый «шоссейник» моего двоюродного брата, ушедшего весной в армию, ведь он мне наверняка его отдаст — об этом она непременно переговорит с его отцом — ее братом и моим дядей... Говорила мама и о моем самокате, который я выпросил восьмилетним ребенком, а теперь он, видите ли, беспричинно заброшен на балконе...

Я терпеливо молчал во время длинного маминого монолога, с надеждой косился на папу и, когда он произнес свое коронное: «А по-моему, Санёк — молоток», — я взорвался от радости: «Ма-а-ам, я уже вырос из самоката и как ты не понимаешь: "шоссейник" — это плоско, а я хочу внедорожник, чтобы гонять *везде*. Я хочу Кону».

Потом меня отправили «погулять» в коридор и, считая шагами квадраты линолеума, я не без удовольствия слушал папу. Вечером я показал родителям свою мечту. Кона кивнула нам, и, наверное, папа заметил это, потому что весело подмигнул мне и сказал: «Давай сделаем так: пять тысяч мы с мамой дадим тебе с условием, что ты не будешь работать в выходные и перестанешь быть тут мусорщиком, — папа нахмурился в сторону "дремавшего" хозяина. — Остальное — заработаешь сам, как и решил. Идет?» Я сделал круговой прыжок на месте и заорал: «Ура-пап-ура-мам-ура!» Наши улыбки отразились в отдраенной мною до зеркального блеска витрине. *Даже* мама улыбалась. *И, по-моему, хозяин тоже.*

Синюю резинку я снял с *моих* денег, чтобы затянуть бобтейлу Тиму челку. Не мог я с ним разговаривать, не видя его глаз. Мы всегда говорили, когда гуляли. Тим слушал внимательно и иногда старался ответить мне по-человечески, но у него не получалось, тогда он смущался и чихал. Взгляд бобтейл имел проникновенный и понимающий. Я рассказывал ему про Кону, а однажды даже разрешил посмотреть на нее.

— Ну как? — спросил я, теребя Тима за ухом (хозяйка Тима, очень занятая женщина Маргарита Васильевна, ругала меня за это, потому что чесать собак за ухом запрещено стандартом, но очень уж симпатично морщил нос довольный Тим, когда стандарт нарушался).

— Как она тебе? Нравится? Правда — красивая? — я не мог оторвать от Коны глаз.

Тим одобритительно зевнул. Собаки зевают не только когда хотят спать, и не столько от скуки, — это их собачье «Ух ты!», и так они выражают свое расположение к нам, особенно если в этом момент мы их приласкали.

Тим, как и все порядочные бобтейлы, носил темно-серые «брюки» до пояса и белую «рубашку». В мои обязанности входило следить за чистотой Тиминого «костюма». Он смешно урчал, когда я вычесывал его у дальнего во дворе забора. За этим действием любил наблюдать с балкона дед Бугай — полицейский на пенсии. По нашим легендам, Бугай был на пенсии лет сто. По крайней мере, когда я родился, он уже был дедом Бугаем. Не изменяя своей привычке всех учить и делать вид, что знания обо всем на свете даны именно ему, неторопливо попыхивая черной трубкой в форме лошадиной головы, зимой и летом стоя на балконе второго этажа в майке-тельняшке, отчего он напоминал пирата из детской книжки, дед Бугай шурился на прохожих и кивал, смекая что-то про себя. Так однажды, наблюдая мою возню с жесткой щеткой и Тимиными шерстяными зарослями, дед Бугай по-мальчишечьи свистнул. Тим полетел к нему, виляя «ватными» штанами. Я — за Тимом.

— Травой надо, — выпустив изо рта красивое сизое кольцо, изрек дед Бугай. — Вон, лопухи у гаражей нарви. Можно осоку. Скрути и всего «хрустала» этого обработай.

Тим, оказывается, тем временем аппетитно хрустел найденной косточкой, вылетевшей, очевидно, у кого-то из мусорного ведра. Дед Бугай славился, помимо своего роста и вечного неопределенного возраста, умением моментально придумывать точные прозвища кому угодно и названия любым явлениям.

— Зачем это? — удивился я, борясь с бобтейловой пастью, не желавшей расставаться с обглоданным ребрышком.

— Витамины... — подсказал дед Бугай. — Ты работягой стал, как я смотрю?

Я, скрывая самодовольное сияние, скромно кивнул.

— В соседний двор, дом четырнадцать, во второй подъезд зайди... Квартира двадцать седьмая... Скажи, я прислал. Можешь им покупки делать, они все с утиной ангиной свалились. Говорил же — не купайтесь в утином пруду... Олухи...

Я не стал уточнять, что такое утиная ангина, тем более что бывший полицейский уже потерял интерес ко мне и занялся комментированием внутренностей стоявшего под балконом японского автомобиля, в котором беспомощно ковырялась ни капли не японская девушка из съемной квартиры.

Травяные витамины действительно пошли Тиму на пользу — его шерсть блестела на солнце, а сам он лучился любовью ко всему миру. Думаю, наши разговоры на него благотворно подействовали. Ведь с кем еще он раньше мог так по душам поговорить? Маргарита Васильевна дружила с такими же занятыми женщинами, каковой была сама, и очень скоро я держал в руках три поводка. Тим, как старший по званию, довольно снисходительно принял таксу Рудольфа и болонку Берту. Рудольфа дед Бугай не преминул окрестить «таксистом» за его неровный окрас в пятнах, а Берту — «Бабеттой» — я не понял, за что.

Жестяная коробка постепенно наполнялась, ретро-дети на катке одобрительно махали мне своими маленькими нарисованными ретро-варежками, на лавочках по бокам катка сидели хорошенькие девочки и ели красивое нарисованное ретро-мороженое. Я тоже очень давно хотел мороженого, но ел его, только если родители покупали и приносили домой. К деньгам, которые зарабатывал сам, я даже не думал дотрагиваться, исключая ежевечерний ритуал пересчитывания. При этом в груди что-то приятно щекотало, ноздри раздувались, а безликие сны становились почти ручными: в них поселились Кона и собаки.

Тим, Рудольф и Берта во время отсутствия моих закадычных друзей сделались для меня настоящими приятелями. Все они разделяли мою любовь к Коне. Но больше того, хотя они и постеснялись бы признаться в этом своим хозяйкам, разделяли мою любовь к нашим прудам. В выходные, пока владелицы *моих* собак отправлялись в срочные рейды под названием: «Потратить все заработанное за неделю», я устраивал своим четвероногим друзьям долгие прогулки. Мы целыми днями пропадали на прудах, наслаждаясь городской природой. Тенистый и высокий ивовый берег с одной стороны и песочный с привольными березам и соснами — с другой стали для нас летним раем. Мы кормили голубей и уток, мы гоняли голубей и уток. Мы охотились в джунглевых зарослях у водопада за гигантскими стрекозами и не поймали ни одной. Мы купались в дальнем закутке, фыркая от попавшей в нос воды и мотая головами, прочищая уши. Мы бегали друг да другом по песку, по траве, по воде, повизгивая, и падали чумазыми животами на землю.

Однажды мы увидели колыхающийся далеко в воде мячик. Он смешно подпрыгивал, как поплавок. Похоже, что он стремился обратно к своему берегу и не мог сдвинуться с места, послушно продвигаясь по едва заметному течению. Я лениво наблюдал за смешным мячом с противоположного берега, но мои подопечные вдруг

вскочили и наострили уши. Я прислушался. Вроде плачет кто-то. Детский классический плач по упавшему в речку мячику.

«Разберутся», — подумал я и подставил солнцу другой бок.

Но плач стал слышнее и жалостливее. Я искоса посмотрел в сторону, откуда он доносился. На крутой лестнице, у самой кромки воды, сидел на корточках мальчик и веткой, которая была длиннее его в два раза, старался пригнать мяч к себе.

«Где же взрослые?» — удивился я и встал на ноги.

Взрослые культурно отдыхали. Никто, казалось, кроме нас четверых, не видел ни мальчика, ни мяча. Пляж плескался, курил, потел и чихал на всё, кроме места под солнцем. Я вздохнул и, подхватив одежду, сжав в кулаке три поводка, стал рысцой обегать пруд. Собаки, вереща, бежали: Тим впереди, Берта наравне, Рудольф — на уровне моих пяток. Запыхавшиеся, мы быстро нашли ту самую лестницу. Мальчик — на вид ему было не больше пяти, уже стоял по колено в воде. Плечи его вздрагивали, но он упорно старался создать свое течение, которое вернуло бы ему мяч. На нижней ивовой ветке болталась футболка, крошечные кроссовки с воткнутыми в них носками сиротливо жались к лопухам и подорожникам.

— Эй, малыш! — позвал я, сбегая по ступеням.

Мальчик обернулся: сопливый, со щелочками глаз.

— Я не малыш, — стараясь не всхлипывать, сказал он. — Я — Павлик.

— Привет, Павлик! — снисходительно, по-взрослому, согласился я, протягивая мальчику руку и помогая ему взобраться на покосившуюся ступеньку. — Я — Санёк, а это — Берта, Рудольф и Тим.

Берта, Рудольф и Тим толкаясь, тыкались носами: Тим — в лицо, Берта — в шорты, Рудольф — в перепачканные илом ступни.

Павлик ответил на мое рукопожатие, сунув мокрую, холодную, робкую ладонь. Он не просил. Стараясь не плакать, смотрел на боровшийся со стихией мяч. С этого берега мяч казался больше и серее.

В воду лезть не хотелось. Тенистый берег заставлял меня дрожать, а илистое дно я и вовсе не переношу на дух. Я решил проявить героизм: «А... старый мяч, да? Хочешь, я куплю (на этом слове, признаюсь, голос меня подвел), я куплю тебе новый?»

Плечи Павлика судорожно дернулись, и он снова полез в воду.

— Ну куда ты? Куда? Сказать, что ли, не можешь?

Павлик едва сдерживал слезы.

— Посмотри на меня! — приказал я.

Он посмотрел. Я пошевелил ушами. Павлик всхлипнул. Я пошевелил и ушами, и губами. Павлик молча отвернулся и снова отыскал глазами мяч.

По центру пруда лениво, как оброненный лепесток яблони, проплыла лодка с весьма упитанной семейкой.

— Эй! Эй! Там, на борту! Подкиньте мяч, а? — стараясь придать басистости голосу, закричал я, размахивая зажатой в руках одеждой.

Им надо было возвращаться: они разминулись с терпящим бедствие мячом. Сделали нам оскал. Отказали нам в такой малой помощи...

— Ну ты, толстый! — заорал я, желая сильнее кольнуть главу этого бестолкового семейства. — Трудно, что ли, веслом лишний раз пошевелить?!

— Я те ща, щенок, веслом гребану так, что мало не покажется! — неосторожно привстал глава.

Лодка опасно накренилась, тетка издала утробный звук, дети завизжали. Пунцовые, удалялись в куче брызг, рьяно молотя по воздуху веслами. Из-за щенка больше обиделись мои собаки, устроили хоровой лай. Я выкинул средний палец, высунул язык и хотел было показать пятую точку, но маленький Павлик как-то быстро успел зайти по пояс в воду, втянув живот так, что можно было пересчитать ребра, подняв согнутые в локтях руки, часто дыша ртом. В один прыжок я очутился рядом.

— Ну что ты? Что? — растерянно пробормотал я, чувствуя, что краснею.

Павлик плюхнулся и поплыл по-собачьи. Я схватил его за штаны.

— Ну все! Марш на берег! — приказал я. — Держи! — протянул ему одежду. — Сторожи собак.

Развернулся к собакам: «Сторожите Павлика! Ждать!»

Чем ближе я подплывал к мячу, тем *интереснее* он себя вел: подпрыгивал в нетерпении, ошалев от радости, переворачивался с боку на бок, показывая — какой он еще ладный. Наверное, он все слышал, что я сказал о нем на берегу. Это был старый-старый футбольный мяч, стертый до неприличия. Ни белых сот, ни черных — они едва угадывались. Я снисходительно шлепнул его, подталкивая вперед. Ему только и надо было — задать направление и послать немного ускорения, и он неведомой силой устремился к берегу, к Павлику, сучившему ногами у самой кромки воды.

Отфыркиваясь, я наблюдал, как они оба прижались друг к другу. Павлик зажмурился. Оказывается, когда он улыбается, у него на щеках — ямочки. Моя одежда болталась у ступеней, выскользнув из некрепких объятий мальчика — крепкие все достались мячу. Собаки окончательно подмяли ее под себя и восторженно топтались на руках и штанинах, приветствуя своего героя.

— Не за что! — бросил герой Павлику, шагнув на лестницу.

Он приоткрыл глаза и, не отпуская мяча, прижался ко мне. Теперь он был теплый, а я — ледяной.

— Ну все, хватит, хватит, что за пустые сантименты. Нормальный мужской поступок, — заливаясь-таки краской, бормотал я.

— Мой папа тоже поплыл бы, — не отпуская меня, сказал Павлик. — Ты — как мой папа.

Я не нашел, что ему ответить. Смутное предчувствие — новое для меня — шевельнулось в груди. Я деликатно высвободился и оделся.

И тут меня осенило.

— Ты что — один? Гуляешь тут — один что ли?!

— Нет, с Лолой...

— Так... — я заводился. — И где же твоя Лола?

«Хорошенькие дела, — думал я, — зазевалась, бросила пацана, посторонние люди должны в реку кидаться... Покажись мне, я тебе все выскажу!» И в мыслях моментально нарисовал безвозрастную Лолу, несущуюся к нам, по кустам и над водой, из-за гигантских очков ища глазами Павлика, хватающуюся за сердце, всклокоченную. Всклокоченную — неременное условие.

— Вот она, — Павлик протянул мне мяч.

Я оторопел.

— А? Что? Это? — глупо хлопал глазами, только собаки не удивились и сразу приняли Лолу в компанию.

— Да, — терпеливо продолжал знакомить нас Павлик. — Это — Лола. Она все умеет. А здесь, видишь, — маленький палец ткнул в едва различимые каракули, — А-верь-я-н-о-в. Это он для папы написал.

— Всё, вот, — я снял с ветки футболку, — одевайся. И не лишним было бы отжать шорты.

— Нет, ты прочитай! — настаивал Павлик. — Ты прочитай! Вслух!

— «Держи удар», — продекламировал я.

— Это он специально для папы написал, — повторил Павлик, видимо, желая, чтобы я наконец правильно среагировал.

— Ух ты! — выдавил из себя я.

— Да... А еще у меня на стене картинки! — глаза Павлика загорелись. — И значки. Папа знаешь, сколько насобирал!

Я не нашел, что сказать, зато инстинктивно присвистнул, чем вызвал восторг у малыша.

— Пойдем, я провожу тебя домой... — оттого, как Павлик хвастался, у меня защемило над животом. — Хочешь повести кого-нибудь из собак?

— Да... — восторженно-тихо прошептал Павлик.

Я помог ему одеться. Для этого пришлось подняться наверх, чтобы на безопасном расстоянии от воды Павлик смог отпустить мяч, вернее — Лолу. Осторожно, понимая всю ответственность, я принял ее из рук в руки и наблюдал, как мальчик справляется со шнуровкой. Наконец Лола вернулась к хозяину, который, успокоившись и обсохнув, оказался симпатичным светлокудрым мальчуганом. Он вопросительно смотрел на меня, терпеливо ожидая, какой из поводков я ему доверю.

— Выбирай!

Предпочтение досталось Рудольфу, который, фырча и постукивая лаковыми коготками, потащил мальчика по дороге. Я шел немного сзади, мне, конечно, стоило немалых трудов идти медленнее, чем обычно, удерживая рвущихся вперед собак. Мне не давали покоя иловые налипыши в его коленных ямках! Ноги Павлика вообще были словно карты боевых действий: с «морями» синяков, стрелами царапин, батальонами ссадин. Но эти налипыши! Они как будто были живыми, как будто напали! Мне впервые в жизни захотелось защитить кого-то. Впервые я подумал: «А здорово, если бы у меня был брат».

— Подожди, — сказал я, касаясь его плеча.

Он послушно застыл, и эта покорность по-особому тронула меня, я почувствовал себя старшим. Это тоже было ново. Павлик смотрел вопросительно, очевидно, думая, что, может, он неправильно ведет собаку.

— Давай я тебе ноги очищу, — сказал я.

Я снял футболку, присел за ним на корточки и осторожно протер *эти героические ноги*. Павлик внимательно смотрел на меня сверху вниз.

Оказалось, жил он рядом с лесопарком. Мы очутились в знакомом дворе — каждый раз по дороге к прудам я проходил через него. Странно, почему я раньше никогда не видел ни его, ни Лолу.

— Бабушка! Бабушка! — радостно закричал Павлик и кинулся навстречу медленно идущей пожилой женщине с четырьмя сумками, которые топорщились чуть ли не кирпичами.

Рудольф, поймав ветер в уши, колыхая ими, как маленькими знаменами, неся рядом на всех парах.

— Ох ты! — женщина тяжело опустила сумки на асфальт. — Это что же за эскадрилья?

— Бабушка! Это мои друзья. Мы Лолу спасли, — прыгал вокруг нее Павлик.

При слове «друзья» женщина пристально посмотрела на меня.

— Иди-ка, архаровец, — она слегка прилепнула мокрую Пашину попу, — переодень штаны!

Протянула ключи. Павлик заметно растерялся. Признаюсь, в первую секунду я неверно истолковал его замешательство. Мне, например, не приходилось в пять лет самостоятельно открывать дверь подъезда и квартиры.

Он закусил губу. Он протягивал мне поводок, оказавшийся влажным от его ладони. Он спросил: «Ты уйдешь?»

— Нет, — сказал я, чувствуя, что женщина с четырьмя сумками пригвоздила меня к месту. Напрасно. Я бы и так не ушел.

«Помочь Вам донести сумки?» — предложил я, глупо переминаясь с ноги на ногу и комкая в руках поводки. Собакам наскучило стоять на одном месте, и они дергали меня в разные стороны. Наконец, я оказался на свежескошенном газоне.

— Ах, я почти донесла, — простодушно заверила меня Пашина бабушка, и

призналась: «Они почему тяжеленные такие — там одни консервы да картошка. НЗ... так сказать... Павлушу в школу надо собирать»...

Поймав мой удивленный взгляд, она добавила: «Да... выглядит он меньше своих лет. На самом деле ему семь. Инна Васильевна я, — она протянула мне руку — как большому. — У Павлика нет друзей в этом городе, он недавно ко мне переехал...» Она не успела договорить.

Выбежал Павлик. Одежду он сменил полностью — чистенький и аккуратный, прижимал к боку свой старый футбольный мяч.

Торопился так, что едва не упал. И на полдороге, захлебываясь: «Завтра наши со шведами рубятся!»

Мягко говоря, я равнодушен к футболу.

— Прямо Ледовое побоище!

Шутка явно не удалась.

— Скоро ты обо всем этом узнаешь в школе... — добавил я некстати, выбираясь на асфальт и стряхивая приставшую к кедам траву.

— Мы можем вместе болеть за наших... — чуть слышно прошептал Павлик. — Ты придешь?

— Приду, — ляпнул я.

«Дураааак, — думал, удаляясь, — у моих друзей накрутейшие каникулы, а я драю спортивный магазин, гуляю с чужими собаками и вот финал — мой ближайший друг на завтра — семилетний малыш! Норм!»

Первое, что я увидел на следующий день в комнате Павлика — огромные плакаты с футболистами. Казалось, что застывший в эйфории игры стадион поместился в этой крошечной комнатке. На тумбочке стоял пузырек с какими-то таблетками и несколько фотографий в большой общей рамке. Наверное, одна семья: жених и невеста, кулек из одеяла с огромным бантом, и трое на карусели. До матча оставались считанные минуты, я решил, что мое любопытство окажется не к месту и времени, и молча вышел в другую комнату, куда уже выбежал счастливый хозяин.

Смотрели вчетвером: Павлик, Инна Васильевна, я и Лола.

Когда мой новый друг, которого я бы стеснялся перед друзьями, в первый раз подскочил на диване и завопил: «Гоооооооо!», у меня промелькнули кое-какие догадки. Я покосился на Павлика, на Инну Васильевну и вжался ближе к спинке дивана. Стараясь быть внимательным и вежливым, что-то комментировал по ходу матча, пил чай с простыми сушками. Затем ритм матча, волны трибун, голос комментатора, пульсация мячей — того, что был в телевизоре, и того, который был рядом — потертый, подпрыгивающий вслед за своим маленьким другом, передались и мне, и я с удовольствием и азартом следил за игрой и даже пару раз присвистнул, чем вызвал восторг Павлика и снисходительное покачивание головой у Инны Васильевны.

Мы выиграли с разгромным счетом. С удивлением я обнаружил, что прыгаю вместе с Лолой и Павликом вокруг стола.

Инна Васильевна предложила проводить меня через два двора таким тоном, что отказаться я не посмел, хотя и возмутился было таким предложением — что я — маленький, что ли!

Я почти угадал.

Они погибли. Павлик со своими родителями жил в другом городе. Этот город, наверное, был светлее и воздушнее нашего, поил из фонтанов птиц и бродячих котов, растил детей, как цветы, поднимал к небу мосты, деревья, башни и обелиски. Но зимние дороги страшны везде... Автокатастрофа, в которой выжил только трехлетний малыш, перерубила его недолгую жизнь на «до» и «после». Спасло ребенка детское кресло, но он сильно покалечился.

«От удара пострадал гипофиз... нарушена фаза роста... Смышленный мальчик...», — я мог улавливать лишь лоскуты фраз от монолога провожавшей меня Инны Васильевны.

«Лола — его единственный друг, со времен детского дома... Я с трудом оформила опеку: не давали по инвалидности, пока совсем маленьким Павлуша был...»

— Это мяч его отца? — перебил я, пронзенный догадкой.

— Да... — вздохнула Инна Васильевна. — Когда они все втроем смотрели дома матчи, Игорь — мой сын — во время гола кружил по комнате маленького Павлушу и кричал: «Гол!» У Павлуши получалось кричать: «Лола!» Игорь с мячом не расставался — после работы или в выходные гоняли в коробке все вечера напролет. А Павлуша из окна или с трибун, когда с мамой гулял, смотрел. «Лола! Лола!» — кричит, в ладошки хлопает...

Мы дошли до перекрестка.

«За поворотом — мой дом», — сказал я.

Инна Васильевна остановилась и отвернулась, подставив ветру лицо. Я смотрел, как порхают седые пряди ее волос, и думал о том, что никогда, никогда не состарюсь. Никогда.

На следующий день я хотел пройти мимо двора, где жил маленький Павлик.

«Подумаешь, случайное знакомство... — внушал мне кто-то, сидящий внутри, и лизал шершавым языком мои внутренности. — Просто мелкий. Я им ничем не обязан».

«Такой маленький — такой сильный и такой беззащитный!» — звонко ответил кто-то серебряный, на шаре и с копьем.

Я увидел белый каменный двор, залитый солнцем. Молодой красивый парень чеканил футбольным мячом.

«Вот дерьмо! — шершавого затошнило. — У тебя глюки! Ты обречен, ушастый!»

«Пашка прекрасен! — сказал серебряный. — У него — душа».

Я свистнул собакам, и мы свернули во двор преткновений.

Увидел его сразу: он стоял на деревянном бордюре песочницы, чтобы быть выше, в зеленых шортах, выцветшей клетчатой рубашке... Он тянул шею так, что почти весь вылез из ворота, а его детский кадык превратился в персиковую косточку. Лола тихонечко поскуливала, крепко прижатая к тощей груди.

— Здорово, брат! — я протянул малышу руку.

Он включился и засиял, как мой большой фонарик, подаренный в детстве — настоящий, походный, с зеркальным усилителем света.

— Здорово, брат! — отзеркалил, отчеканил, то пряча, то поднимая глаза.

Он не решался сойти с парапета песочницы и пожать протянутую ему ладонь, топтался на месте. Но Лола оказалась более решительной: прыгнула с рук и поскакала по свежей от поливальной машины дорожке.

Пашка все свои страхи и опасения забыл. Бежал за Лолой и смеялся: «Здорово, брат!»

В парке мы гуляли недолго: мне не терпелось познакомиться Павлика с Коной.

Гладь витрины напоминала поверхность пруда и издали показалась потемневшей, как перед дождем. Кона стояла грустная, она ссутулилась, словно присела на заднее колесо, рожки руля смотрели вниз.

— Ты меня не купишь, — предрекла она.

Я ошалел. Даже забыл на несколько секунд, зачем пришел, забыл, что привел с собой Павлика, что он стоял рядом, не решаясь без благословения приблизиться к заветной витрине.

— Вот, — наконец очнулся я и обернулся к мальчугану, — это *моя* Кона.

Павлик, словно маленький паж, послушно прильнул всем тельцем к холоду стекла и отразился в нем.

— О... О! — только так и смог он выразить свой восторг и одобрение.

Меня распирало новое чувство старшего — брата ли, друга ли — я не мог еще до

конца в этом разобраться, да и не было никакого конца, а было только начало чего-то, я чувствовал — хорошего и интересного...

Мы еще немного постояли, подышали на неприступную витрину. Солнце жгло нам спины.

— А когда ты ее заберешь?

— Скоро, — решительно ответил я. — Еще немного осталось. Я ведь *работаю*...

Этим последним откровением я, казалось, окончательно пришиб Павлика своим величием. Он даже выговорить ничего не смог, но звезды в его глазах перелетели ко мне на погоны.

Прошло полтора месяца. Август клонился к закату. Лето вот-вот закончится, его не удержишь за хвост. Мои друзья, приезжавшие в течение этой поры на короткие пересменки между лагерными заездами и запойными путешествиями, — кто покрутил пальцем у виска, кто снисходительно сплюнул, имея в виду мое времяпровождение в компании собак и семилетнего ребенка. Только Ленка, как настоящая женщина, приняла нас и погуляла с нами в парке.

Я почти достиг цели. Утром двадцать седьмого августа жестяная коробка показала свои сокровища: пять тысяч семьсот рублей. Еще пять тысяч мне подарят завтра. Я смог! Кона... Кона!

Решили посмотреть на нее еще раз, отполировать лбами стекло, представить, как холодит кожу голеней и бедер рама, как нагреваются под горячими ладонями ручки руля, как жужжит шмелями ветер в спицах...

Перехватив верного Павлика в его дворе, управляя поводками, словно заправский возница, я рвался вперед. Малый сквер у гаражей, переход через узкую проезжую часть, и — за кустами барбариса — наш «Спортивный».

У гаражей кто-то завыл. Потом ударило, как бревном по жести, потом заскрежетало... Низкая дверца в ржавых воротах одного из неказистых, низких гаражей распахнулась от пинка и на свет вышел здоровенный мужик в камуфляже. На узловой веревке он тащил за собой подростка щенка овчарки. Тот упирался и выл. Меня словно кирзачем в грудь жажнули. Щенок первый приметил нас — остановившихся. Он мотнул крупной беспомощной головой и сел, неуклюже расставив лапы. Камуфлированный обернулся, молнией взглянул на нас и грязно выругался.

— Что вы делаете?! — закричал кто-то вместо меня (ибо это был не мой голос). — Отпустите собаку!

— А то — что? — камуфлированный сплюнул и не спеша закурил.

— А то мы закричим! — сжимая кулачки, завопил Павлик.

— Хех... Это дело... Кричите... — казалось, мужика ситуация забавляла.

Щенок громко и жалостно скулил, стараясь по сантиметру приблизиться к нам. Камуфлированный, заметив это, зло и сильно дернул веревку. Овчарик взвыл.

— Ааааа! — закричал Павлик и кинулся на камуфлированного, очевидно желая отколотить его своими крошечными ручонками.

Я вовремя успел схватить своего друга за шиворот. Мельком огляделся — никого поблизости не было.

— Отпустите! — Стараясь не сбить дыхание и держать ровный тон, предложил я. — Отдайте его нам. Я заплачу.

Мужик пожевал бычок и криво усмехнулся: «Дети в школу собирайтесь! Думаешь, твои сто рублей мне на фиг нужны?»

— У меня есть деньги! — твердо заявил я. — Отдайте нам собаку. Пять тысяч!

Камуфлированный присвистнул.

— Бреешь!

Но, видно, предложение его заинтересовало. Он почесал щетину и приказал: «Неси!»

Как мы побежали! Мы не побежали, мы — полетели! Все пятеро: два мальчика и три собаки летели над августовским днем. Сломя голову ворвался я в квартиру. Родители, разумеется, были на работе, и никто не помешал мне ни вопросом, ни сомнением схватить заветную жестяную ретро-коробку с удивленными нарисованными детьми и пулей выскочить обратно.

Я даже не отсчитал обещанные пять тысяч. Отдал все.

Мужик преспокойно стоял на том самом месте, где мы его оставили несколько минут назад, и ради забавы подстегивал несчастного щенка свободным концом веревки.

— Вот, забирайте! — сунул я коробку в широкие драные и дрянные ладони. — Отдайте собаку!

Камуфлированный не торопясь, вальяжно намотал хвост веревки вокруг своего запястья, напоминающего полено, прищурился, важно принял коробку, открыл, усмехнулся... Обильно слюнявя пальцы, стал считать.

Павлик шумно дышал.

Тим, Рудольф и Берта по-собачьи плакали, хотя Тим старался не обнаружить это.

Щенок, казалось, стал восковым изваянием.

Наконец, камуфлированный человек, вспомнив, вероятно, что он все-таки — человек, то есть что на кой леший сдался ему этот кусок шерсти, когда есть халявные деньги и можно вполне удовлетворить свои человеческие потребности.

— На-те, играйтесь! — презрительно, как маленьким, бросил он, скинул с себя веревку и, ни разу не обернувшись, стремительно зашагал прочь (по направлению к винному магазину).

Что творилось с освобождаемым щенком, когда мы с Павликом срывали с его шеи грязную пучковатую веревку! Он вилял всем телом, он визжал, он лизал нам лицо и руки. Собачья троица, конечно, не могла со стороны смиренно наблюдать за таким историческим событием и всеми силами нам мешала.

Наконец щенок был освобожден. Это оказалась прекрасная девочка, необыкновенно красивая, с продолговатой «копилочкой» на темечке.

На всякий случай мы тщательно обследовали гаражи: звали и свистели, прислушивались и принюхивались, старались заглянуть в узкие, темные щелки: вдруг там — в страшных недрах — остались еще щенки. Но мы никого больше не обнаружили и с колотящимися сердцами отправились обратно.

Когда родители вернулись с работы, на ковре в гостиной они застали великолепную картину: изысканной осанки щенка-подростка немецкой овчарки и меня, перебирающего гречку на широком подносе, сидя в позе лотоса.

— О, мам-пап, привет! А я ужин готовлю... Да... Знакомьтесь, это — моя Кона!